

Л. Кулагина,
В. Ахмедов ¹

Противостояние Ирана и ИГИЛ в Сирии и Ираке

По оценкам многих экспертов, война в Сирии закончится не скоро. Поэтому каждая из конфликтующих сторон стремится выстроить свою долгосрочную стратегию в отношении этой арабской страны. Сегодня Сирия оказалась разделенной на четыре части, каждая из которых контролируется той или иной стороной конфликта, владеющей немалой частью сирийской территории.

Основными конфликтующими сторонами, борющимися за власть в Сирии, являются сегодня режим Асада и его сторонники, «Исламское государство» (ИГ) и «ан-Нусра», а также Сирийская Свободная Армия (ССА) и поддерживающие ее силы. Укрепление позиций «Исламского государства» (ИГ) в Ираке и Сирии и начало военной операции сил международной коалиции против него существенно изменили баланс сил на Ближнем Востоке и бросили определенный вызов политике Ирана по сохранению и укреплению своего влияния в Ближневосточном регионе.

В Иране не могли не обратить внимания на ряд важных аспектов политики и идеологии ИГ, которые оно использует для укрепления своих позиций в регионе. Тегеран не мог также пройти мимо того факта, что ИГ пытается распространить свое влияние за пределы Ирака и Сирии, в частности в Ливане (Триполи), Палестине (Газа), а также ряде стран Арабского Магриба.

Реальная угроза наступления ИГИЛ (или ИГ, как его сегодня принято называть) в государствах Арабского Машрика, прежде всего в Ираке и Сирии, способствовала тому, что впервые за 3 года развития вооруженного сирийского конфликта, его основные участники осознали глобальную опасность этой организации². Сегодня, похоже, к ним приходит понимание необходимости формирования международного и регионального консенсуса по сирийскому вопросу и выводу Сирии из кризиса. В настоящее время практически все, включая Иран и КСА, а также противостоящие сирийские стороны, сходятся в том, что ИГИЛ в обозримой перспективе может представлять реальную угрозу, по крайней мере странам

1 Ахмедов Владимир Муртузович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН; Кулагина Людмила Михайловна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН.

2 Syria Islamists versus Geneva 2. URL: <http://www.throwww.com/a/2ydo>.

Арабского Востока и монархиям Персидского залива, и что с этой организацией необходимо бороться³.

Своими корнями ИГ уходит в Ирак, в отряды суннитского сопротивления, частично связанного с иракским филиалом Аль-Каиды, сражавшегося против американской оккупации этой арабской страны. Сегодня ИГИЛ возглавляет Абу Бакр аль-Багдади, который прежде руководил ИГИ — иракским отделением Аль-Каиды. В Ираке сторонники аль-Багдади сражались против правительственных структур, где господствовали шиитские элементы и делали это от имени иракских суннитов. Не случайно сегодня среди высшего командного состава ИГ можно встретить бывших высокопоставленных военных из армии Саддама Хусейна. Вот только где они все это время скрывались? Напомним, что на момент начала сирийской революции на территории Сирии (в основном районы аль-Гуты) находилось, по разным данным, от 1 до 1,5 млн иракских беженцев, которые спасались от иностранной оккупации Ирака⁴.

ИГИЛ образовался на территории Сирии из «Исламского государства Ирак», связанного с Аль-Каидой, которая в бытность своей деятельности на территории Ирака прославилась атаками на правительственные войска и объекты и стала причиной многих жертв среди мирного населения.

Несколько основных факторов послужили причиной вмешательства ИГИ в сирийские события. Это та конфессионально окрашенная война, которую вел асадовский алавитский режим против суннитского сопротивления, и та обстановка хаоса гражданской войны, которая позволяла ИГИ установить свое политическое и военное присутствие в населенной преимущественно суннитами Сирии.

Укрепление ИГИЛ в Сирии происходило на фоне глубокого конфессионального конфликта в стране и той ненависти, которую испытывало суннитское население в связи с жестокими действиями правительства Асада по подавлению мирного (в течение первых 8 месяцев) восстания. Значительная часть сирийцев, которые сегодня сражаются в Сирии, не были до революции политически активны и не имели ярко выраженной идеологической и религиозной повестки. А многие и сегодня испытывают серьезные трудности с самоидентификацией (в религиозно-идеологическом плане) и окончательно не определились в своих политических предпочтениях. Будучи без оружия, лишённые поддержки извне, они постепенно устремлялись к тем, кто одерживал победы над асадовским режимом, и вступали в их вооруженные отряды, тем более за весьма приличную плату. По степени превосходства в вооружении, боевым опыте и финансовом обеспечении отряды «джихадистов» были намного выше сирийского национального движения сопротивления.

Действительно, сирийское восстание явилось ответом той социально-политическую системе, которая существовала в Сирии более 40 лет и была

3 Syria-Iraq: how could be so wrong about so much? URL: <http://yallasouria.worldpress.com/?s=vlahmed60>.

4 URL: <http://www.understandingwar.org/report/al-qaeda-iraq-resurgent-part-ii>.

крайне неэффективна с точки зрения разрешения острых социально-экономических проблем населения, обеспечения его безопасности, свобод и прав, социальной и религиозной справедливости, эффективности управления. В Сирии существовал авторитарный режим, главной целью которого была защита правящей алавитской группировки и связанных с ней элит. ИГИЛ не смог бы возникнуть, если режим не практиковал бы жестких полицейских методов в отношении собственного населения и в начальные месяцы восстания попытался бы найти политическое, а не военное решение для того, чтобы погасить протестные движения, которые носили мирный характер и вначале даже не требовали смены власти.

В результате более чем трехлетней вооруженной борьбы в сегодняшней Сирии основные институты государства, созданные прежним режимом, оказались разрушены либо существенно ослабли. Данное обстоятельство способствовало тому, что значительные участки территории страны сделались легкой добычей различного рода экстремистских группировок.

Создание мощной базы ИГИЛ в Сирии к весне 2013 г. обеспечило успех этой вооруженной группировки в Ираке, с одной стороны, а с другой — явилось показателем слабости вооруженных отрядов, сражающихся в Сирии против Асада. За последний год в Сирии ИГИЛ сумел полностью захватить город Ракья, значительные части Дейр аз-Зора и стратегические участки территории Халеба, а также установить контроль за рядом пропускных пограничных пунктов на границе Сирии и Ирака.

Сегодня численность ИГИЛ в Сирии оценивается приблизительно в 7–10 тысяч бойцов и имеет тенденцию к стремительному росту: уже в ближайшее время численность бойцов, сражающихся в ИГИЛ, может достигнуть нескольких десятков тысяч. По разным данным, организация контролирует от 30 до 40% сирийской территории. В Ираке ИГИЛ смог нанести поражение превосходящим силам иракской армии и захватил второй по величине город Мосул, а также немалое число современных вооружений, транспорт, средства связи, освободил из тюрем несколько тысяч своих сторонников. Под контролем ИГИЛ оказались части Фалуджи, Тикрита и Рамади на западе Ирака. В целом сегодня ИГИЛ контролирует в Ираке территорию, сопоставимую по своим размерам с Иорданией с ее пятимиллионным населением⁵.

Действительно, ИГ постепенно захватывает все большие территории и ресурсы в Сирии и Ираке и пытается установить там если не государство (в его традиционном понимании), то свою власть, и ввести собственные порядки и нормы жизни согласно своей оригинальной трактовке шариата и мусульманского права.

Государство, которое стремится построить ИГИЛ и которое должно послужить реализации его планов, расположено в стратегически значимом регионе мира. В отличие от «ойкумены» исламского мира типа Афганистана и Йеме-

5 Faysal Itani. Losing Syria and Iraq to Jihadists // Issue in focus, June 2014, Atlantic Council. P. 3–5.

на Сирия и Ирак граничат с Ливаном, Иорданией, КСА, Турцией, Израилем и обеспечивают доступ «джихадистам» к нефтегазовым ресурсам, оружие, криминально-финансовым сетям, через которые они могут пополнять свой личный состав, боевой арсенал и финансовые запасы.

Определенную озабоченность Тегерана вызывают идеологические, политические планы ИГ, которые, в частности, декларируют идею восстановления халифата, что находит определенную поддержку не только среди немалого количества населения арабских государств, но и среди части правящей элиты Турции.

Характерно, что значительная часть правящей исламской партии и ее националистической оппозиции обнаруживают немало общего в расчетах возможной конвертации этой идеологической химеры в совершенно конкретные политические шаги на основе набирающей силу в определенных политических кругах Турции идеи «нового османизма».

Естественно, подобная ситуация не может не представлять сопредельную угрозу амбициозным политическим планам Тегерана в регионе Ближнего и Среднего Востока.

ИГ бросает вызов сложившейся на протяжении последних десятилетий системе государственности в регионе, ломая структуру национального суверенитета и размывая национальную идентичность ближневосточных государств, возникших в результате англо-французского передела османского наследия на Ближнем Востоке.

Успешная реализация хотя бы части планов ИГ на захваченных территориях может представлять реальную угрозу сохранению внутренней стабильности и национального суверенитета Иранского государства, в составе которого представлены различные национальности и религиозные общины.

За последний год ИГ сумело активно внедриться в ткань арабских революционных движений, которые в свое время поддержал Иран, чтобы укрепить свои позиции в регионе. С другой стороны, в Сирии, например, ИГ сражается не столько против режима Асада, сколько против Запада и поддерживаемых им сил сирийской вооруженной оппозиции.

В то же время ИГ стремится к свержению существующих арабских режимов в других странах, рассматривая политику их правителей в рамках своих такфиристских установок как несправедливую и несоответствующую нормам истинного ислама. С этой точки зрения ИГ может представлять потенциальную угрозу стабильности Саудовской Аравии и ряда других арабских монархий Персидского залива.

На данном этапе развития военно-политической ситуации на Ближнем Востоке и вокруг него ИГ рассматривается иранским руководством как потенциальная угроза или соперник планам Тегерана по укреплению своего идеологического и политического влияния в регионе. Поэтому в последние месяцы ИРИ, используя в том числе свое влияние на ливанскую «Хизбаллу», предприняло ряд важных военно-политических шагов, которые могли бы обе-

спечить сохранение позиций Ирана в Леванте при любом развитии ситуации в регионе.

Характерно, что «Хизбалла» выстраивает свою стратегию в Сирии на основе пятилетнего плана. Согласно этому плану, «Хизбалла» постепенно создает на территории САР арсеналы оружия и формирует отдельные вооруженные отряды. При этом «Хизбалла» не хочет, чтобы длительная война в Сирии сказалась на ее позициях в Ливане, и не имеет никакого желания нести в будущем людские и материальные потери в Сирии.

С учетом этого руководство «Хизбаллы» приняло недавно план, согласно которому в Сирии должна быть создана внешненезависимая структура, которая на деле находилась бы под управлением Совета шуры организации и замыкалась непосредственно на генерального секретаря «Хизбаллы» Х. Насраллу.

Наряду с этим «Хизбалла» стремится выйти за рамки Ливана и укрепить свои позиции в Ираке и Йемене. Но несмотря на ее присутствие в Сирии, Ираке, Йемене, где отряды этой организации могут проводить независимые военизированные акции, они в той или иной мере остаются связанными со своим центром в Ливане, который обеспечивает взаимосвязь с театрами военных действий в этих странах.

Учитывая, что Сирия продолжает оставаться основным полем сражения, «Хизбалла» приняла решение создать на ее территории вооруженные формирования численностью до 50 тысяч бойцов, которых она планирует рекрутировать из представителей различных общественных и религиозных слоев сирийского населения. При этом акцент делается прежде всего на тех сирийцах, которые под воздействием мощной и агрессивной иранской пропаганды приняли шиизм, а также на представителях христианской и друзской общин Сирии. Таким образом, «Хизбалла» пытается выстроить в Сирии модель «Исламского Сопротивления» (ИС) наподобие ливанской. В то же время высокопоставленные офицеры «Хизбаллы» находятся в постоянном контакте с представителями правительственных войск в Сирии и Ираке, управляя их действиями.

Совершенно очевидно, что эти амбициозные планы «Хизбаллы» в Сирии могут быть реализованы только при поддержке и с одобрения Ирана, который рассматривает Левант как один из приоритетов своей национальной безопасности, а также в контексте борьбы с суннитами за доминирование в регионе.

Так, согласно источникам в рядах внутренней и зарубежной сирийской оппозиции, Иран недавно «запустил» программу в Сирии, в рамках которой он намеревается создать «параллельную» сирийским правительственным войскам военизированную структуру, состоящую из новых специализированных вооруженных формирований под названием «Отряды национальной безопасности» (ОНБ).

Для иранских военных очевидно, что правительственная армия практически разрушена, а потери ее личного состава превысили все разумные пределы. Более того, расчеты сирийского режима выправить сложившуюся ситуацию за

счет новой кампании рекрутского набора и призыва на службу резервистов потерпели провал даже в таких лояльных режиму районах, как Тартус и Латакия.

Вновь создающиеся Ираном силы ОНБ будут, как предполагается, управляться непосредственно опытными офицерами из КСИР и «Хизбаллы». Эти отряды должны будут дислоцироваться в различных районах Сирии.

Данный факт показывает глубокую заинтересованность Ирана в Сирии и свидетельствует о том, что Иран стремится взять под свой контроль все основные стратегические направления обеспечения безопасности Сирии и ключевые сектора управления сирийским государством.

Эта новая политика ИРИ в Сирии является своеобразным ответом на быстрый и мощный рост ИГ в САР и Ираке. Для сирийского же режима подобная иранская политика создает двусмысленную ситуацию, особенно для сирийской армии, которая фактически лишается самостоятельности и оказывается в подчинении ОНБ. Тот факт, что в командный состав ОНБ будут включены бывшие офицеры-баасисты (в основном из Ирака), призван служить ширмой для придания светского, национального характера новой вооруженной структуре, которая на деле оказывается идеологически заточенной под исламскую идею в ее шиитской интерпретации.

В этом случае уже достаточно сложно говорить о национальном суверенитете Сирии и национальном характере ее армии. К тому же Иран берет на свое содержание личный состав ОНБ, бойцы которого должны получать от 30 до 50 тысяч сирийских фунтов ежемесячно, а также пользоваться иными льготами, предоставленными правительством ИРИ. Помимо этого планируется, что в ОНБ будут служить иранские резервисты, которых Тегеран попытается стимулировать большой зарплатой и дополнительными льготами за счет средств из собственного военного бюджета.

Иран уже имел возможность протестировать указанную модель, создав на территории Сирии в районе Голанских высот в сентябре-октябре 2014 г. так называемый «Щит Сувейды». Однако в тот раз иранский эксперимент не имел ожидаемого успеха, так как не получил должной поддержки местного населения.

Несмотря на вышеуказанные возможности ИГИЛ это не делает эту организацию всесильной, как, впрочем, и другие военизированные группировки, действующие на территории Сирии. Это и отряды сирийского вооруженного сопротивления, и остатки правительственных войск, и подразделения ливанской «Хизбаллы» (часть которых сегодня покидает сирийскую территорию или принимает сирийское гражданство), а также иракские шиитские милиции и иранский корпус «аль-Кудс»⁶. Все они находятся в более или менее равном положении с точки зрения военной мощи, которая позволяет им какое-то время удерживать захваченные районы и выживать там. Тем более что, как показывает практика, местное население в Сирии, оказавшееся под властью ИГ, достаточно быстро начинает проявлять недовольство установленными

6 Syrian partition. URL: http://suriyedenhaber.blogspot.ru/2014/11/readings_10.html

порядками и выступать против них, нередко с оружием в руках. Несмотря на свои военные достижения, ИГИЛ сумел восстановить против себя отряды сирийской вооруженной оппозиции практически всего спектра. Это и националистически настроенная ССА, поддерживаемая США и другими странами Запада, и крупные исламистские группировки умеренного характера с национальной повесткой, поддерживаемые сторонниками США в регионе типа КСА и Катара, а также ряд воинствующих отрядов салафитского движения. Последним открыто против ИГИЛ выступил Асад с остатками своих войск (август 2014 г.). Несмотря на то что они все сражаются против ИГИЛ, войну с ним они пока выиграть не могут.

Поэтому, если вооруженное сопротивление Сирии и Ирака получило бы наконец массированную военную и финансовую поддержку международного сообщества (которое пока лишь ограничилось известной резолюцией ООН), оно теоретически могло бы справиться с ИГИЛ. Однако на практике все выглядит куда сложнее и не так однозначно⁷.

Сегодня даже среди ярых сторонников военного удара по ИГ растет понимание того, что долговременный успех подобной операции может быть обеспечен в случае достижения предварительных политических соглашений о судьбах правящего режима и сирийского государства со всеми заинтересованными сторонами сирийского конфликта. В противном случае вероятно повторение ливийского сценария со всеми вытекающими последствиями, возможно и в иракском варианте. Так, по данным ряда сирийских оппозиционных и арабских дипломатических источников, недавно бывший глава СНКОРС М. аль-Хатыб совершил визит в Иран для того, чтобы сблизить позиции Тегерана с суннитской сирийской оппозицией. Иранская сторона предложила план переходного периода, рассчитанный на два года, согласно которому Асад в течение этого срока остается во главе государства, а после чего проводятся парламентские и муниципальные выборы, и Асад делегирует ряд своих властных полномочий новому премьер-министру. При этом силы режима и оппозиции в течение означенного периода продолжают удерживать контроль за принадлежащими им районами Сирии. При этом сам М. аль-Хатыб отрицает факт своего визита в Иран и то, что иранцы выходили на него с какими-либо предложениями по Сирии.

Одновременно заместитель министра иностранных дел ИРИ Хуссейн Амир Адулахьян 26 августа 2014 г. посетил с визитом КСА, в ходе которого обсудил с саудовским руководством угрозу ИГ. Вряд ли иранский план можно признать реалистичным, и скорее всего он не будет принят Западом и вооруженной сирийской оппозицией. Нельзя исключать того, что иранские предложения имеют скрытой целью усилить раскол в рядах сирийской оппозиции и одновременно продемонстрировать позитивное отношение Тегерана к проблеме сирийского урегулирования. Однако тот факт, что Иран мог вообще предложить подобный план (возможно, не без согласования с Москвой), сам по себе

7 US Lacks Responsible Foreign Policy To Deal With ISIS.

косвенно свидетельствует, что Иран отдает отчет тому, что Асад не может самостоятельно вести борьбу с ИГ даже на подконтрольных ему территориях, не говоря уже об освобожденных районах⁸.

В свою очередь, многие арабские страны также склоняются в пользу борьбы с ИГИЛ под руководством Вашингтона. Проходившая 24 августа 2014 г. в Джидде (КСА) встреча министров иностранных дел арабских стран была посвящена решению вопросов, связанных с угрозой ИГИЛ и возможным участием арабов в этой борьбе на стороне США. Одним из важных результатов этой встречи стала выдвинутая Египтом инициатива сирийского урегулирования, суть которой сводилась к формальному продлению еще на год правления Асада и проведению необходимых мероприятий в деле укрепления региональной безопасности и борьбы с ИГИЛ. Правда, в трактовке лидера СНКОРС Дж. Сабра египетский план предусматривал фактический отказ Асада от властных полномочий в пользу консенсусного преемника на переходный период. В то же время арабские страны опасаются, что США могут на деле стремиться лишь к ослаблению позиций ИГ, а не к тому, чтобы окончательно покончить с ним⁹.

Между тем, указанная выше угроза, представляемая ИГ для арабских монархий Персидского залива, и его антизападные настроения исламистов импонируют Тегерану. Иран рассчитывает использовать этот фактор в переговорах с Западом по ядерному вопросу, а также вынудить США признать Тегеран частью вновь создающейся системы региональной безопасности на Ближнем Востоке.

В этой связи нельзя исключать того, что при определенных изменениях политической конъюнктуры в регионе ИГ может начать рассматриваться в Тегеране не только в качестве соперника, но и как временного «попутчика» для реализации своих стратегических планов на Ближнем Востоке.

Достаточно вспомнить, что еще совсем недавно Иран, обладающий серьезными военными и политическими позициями в Ираке, сравнительно легко пошел на «сдачу» своего верного союзника в лице Н. аль-Малики. Иран также практически не оказал какого-либо серьезного противодействия ИГ на первых этапах его военных операций в Ираке, приведших к захвату ряда стратегически важных объектов и крупных городских центров (Мосул).

Как показал опыт борьбы с ИГИЛ, ведущейся силами Коалиции с сентября 2014 г., безоговорочная поддержка сирийского режима не препятствует ни распространению хаоса, ни значительному ослаблению «джихадистов», которые только набирают силу и распространяют свое влияние на другие арабские страны.

Несомненно, что наземная военная операция сил Коалиции была бы способна основательно подорвать боевую мощь ИГИЛ, а возможно, и покончить с этой организацией. Однако достаточно сложно спрогнозировать

8 FP, 09.03.2014; <http://goo.gl/OfYqmy>

9 Там же.

сегодня, как местное население этих стран будет реагировать на американское военное вторжение на их территорию и сколько эта операция может продлиться.

Понятно, что военные средства борьбы с ИГИЛ, а главное, подрыв ее социальной базы, должны «вымостить» путь для политического урегулирования этой проблемы, которое сегодня является, на наш взгляд, единственно верным средством борьбы с этой «джихадистской» организацией. В этой связи ключевую роль в борьбе с ИГИЛ может сыграть урегулирование конфликта в Сирии и стабилизация обстановки в Ираке, чего вряд ли удастся добиться без поддержки России и Ирана.